

**ОБ ОБЩЕМ И ЧАСТНОМ В ПОНЯТИЯХ «ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ»,
«РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ», «ИДИОСТИЛЬ» И «ИДИОЛЕКТ»
(НА ПРИМЕРЕ ВЕРБАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ
СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ)**

Мухортов Денис Сергеевич

кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языкознания
филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

dennismoukhortov@mail.ru

115612, г. Москва, ул. Братеевская, 21/5, кв. 152

**‘YAZYKOVAYA LICHNOST’, ‘RECHEVOY PORTRET’,
‘IDIOSTIL’, ‘IDIOLECT’:
THE NOTIONS OF RUSSIAN SCHOLARS IN CONTRAST.
WHAT IS REQUIRED TO STUDY THE STYLISTIC BEHAVIOUR OF
THE POLITICIAN?**

Denis S. Mukhortov

**Ph. D., Lomonosov Moscow State University, Associate Professor,
Department of English Linguistics, Faculty of Philology**

Аннотация

В данной статье уточняется суть ставших широкоупотребимыми понятий «языковая личность», «речевой портрет», «идиостиль» и «идиолект» и систематизируются подходы к их изучению. Необходимость в этом объясняется все возрастающим интересом к анализу разнообразных коммуникативно-дискурсивных ролей личности и, как следствие, неизбежной терминологической путаницей, которая наблюдается в ряде работ по этой тематике. Автор анализирует положения известной теории языковой личности Ю.Н. Караулова и заново расставляет некоторые акценты. Изучение материала показывает, что языковую личность можно рассматривать как сумму особенностей идиолекта и идиостиля человека, а речевой портрет – лишь как качество языковой личности в определенный момент времени, характеризуемый рядом лингвистических и экстралингвистических факторов, в результате чего оказывается, что языковая личность суть величина динамическая, а речевой портрет – статическая. В статье высказывается мнение относительно разницы между «языковой личностью» и «коммуникативной (или речевой) личностью». В

закключение автор поднимает проблему перевода указанных терминов на английский язык и предлагает некоторые варианты их передачи.

This article double-checks the widely used notions of *yazykovaya lichnost*, *rechevoy portret*, *idiostil*, and *idiolect* ('языковая личность', 'речевой портрет', 'идиостиль' и 'идиолект') and systematises theoretical approaches to their study. The popularity of the terms is well understood as modern linguistics is increasingly interested in roles a personality plays in communication and discourse, but the terms are sometimes confused and misused, which makes it important to revisit the subject. In the article the author analyses the well-known theory of *yazykovaya lichnost* by Yury Karaulov and clarifies some statements. The author points out that international scholars call the above-mentioned terms differently and Russian researchers should work out a Russian-English glossary of linguistic terms to stick to in translating their works.

Ключевые слова

Языковая личность, речевой портрет, идиолект, идиостиль, социально-статусный тип языковой личности, коммуникативная/речевая личность, вербальное поведение политика.

Key-words

Yazykovaya lichnost, *rechevoy portret*, *idiostil*, *idiolect*, a politician's stylistic behaviour

Основным предметом изучения лингвистики в последние десятилетия оставался человек во всем многообразии своих социальных и коммуникативных ролей. Такой антропоцентричный подход заставлял отечественных исследователей искать различные способы понимания и указания этого субъекта. В результате, возникали такие понятия, как «языковая личность» [Богин 1984, Караулов 1987, Зильберт 1994, Карасик 1994, Сентенберг 1994, Сиротина 1997, Головина 1997, Кочеткова 1998, Седов 2000, Мадалиева 2011, Кадилина 2011], «речевая личность» [Прохоров 1999], «коммуникативная личность» [Красных 1998], «словарная личность» [Карасик 1994, Воркачев 2001], «речевой портрет» [Шаховский, Желтухина 1999, Михайлова 2011, Алексеева 2012, Асташова 2013], «речевой имидж» [Дорожкина 1997], «идиостиль» [Шустрова 2006] и др. При этом до сих пор в

некоторых работах [Соколовская 2002, Шапочкин 2004] наблюдается терминологическая путаница, когда одним понятием подменяют другое, или несколько понятий в схожих контекстах употребляют недифференцированно. Единственным плюсом при данных обстоятельствах является то, что подобная неразбериха заставляет исследователя обратиться к первоисточникам и постараться расставить все точки над “i”.

Наиболее употребимым, на наш взгляд, является понятие «языковая личность». Однако его объем не исчерпывается двумя словами. В настоящей статье мы попытаемся предложить свою интерпретацию некоторых нюансов, касающихся данного оборота.

Ю.Н. Караулов, который первым провозгласил этот термин в его нынешнем понимании, выделяет три уровня изучения языковой личности, причем первый уровень называет «нулевым». На этом этапе языковая личность априори выступает как представитель некоторого этноса, его мышление формируется под давлением многовековых национально-культурных традиций и господствующих в обществе идеологических предпочтений. Любому человеку изначально является частью национальной языковой культуры, поскольку в своем вербальном поведении он будет подавать себя так, как это делают и делали тысячи подобных ему людей. В этой связи обращает на себя внимание общеизвестный постулат Вильгельма фон Гумбольдта о соотношении языка и мышления. В его основе лежит понятие языка как живой деятельности человеческого духа, исходящей из глубин человеческого существа и пронизывающей все его бытие. По-видимому, учитывая это, Ю.Н. Караулов, и связывает данный уровень изучения языковой личности с «возможностью выделения в общезыковой картине мира ее общезначимой, ядерной, инвариативной части» [Караулов 1987].

На втором уровне (по нумерации Ю.Н. Караулова, первом) предметом исследования языковой личности является корпус специально мотивированных, «необыденных», текстов, произведенных данным

человеком для того, чтобы можно было вычлениить и проанализировать то, что в языковой картине этого субъекта является сугубо индивидуальным, неповторимым, самобытным. Именно в этом проявляются фоновые знания человека, его личные взгляды, эмоционально-экспрессивная лексика, идеологемы, особенности риторики.

На третьем уровне (по нумерации Ю.Н. Караулова, втором) исследователь начинает задаваться вопросами о целеполагании и мотивации конкретного человека в процессе порождения им текстов. Этот этап подразумевает выход за рамки проведения сугубо лингвистического исследования и привлечения к анализу психологических знаний. Здесь ученый стремится ответить на вопрос, какие поведенческие особенности присущи данному индивиду, какова система ценностей и смыслов в его «языковой модели мира».

Каждый из уровней получил свое название. Первый (нулевой) Ю.Н. Караулов стал именовать «вербально-семантическим», второй (первый) – «лингво-когнитивным» и третий – «прагматическим» или «мотивационным» [Караулов 2010: 238, 245].

Также отмечается, что на вербально-семантическом уровне время над личностью не властно, ее набор слов и вербально-семантических ассоциаций определяется по «общенациональному языковому типу» и является ее «стандартным устойчивым» компонентом. А на лингво-когнитивном и мотивационном уровнях, естественным образом, «все течет, все изменяется».

В соответствии с предложенными характеристиками составляющих языковой личности Ю.Н. Караулов выработал план ее описания. Вначале предлагается охарактеризовать «семантико-строевой уровень организации данной языковой личности», то есть обрисовать портрет этого человека как «представителя конкретного языкового строя». Далее – синтезировать языковую модель мира этого человека, на основе произведенных им текстов составить его тезаурус. И в заключении – выявить жизненные установки,

мотивы деятельности, скрытые и явные цели, которые находят отражение в процессе создания своих и восприятия чужих текстов.

Понятие «языковой личности» в научный обиход ввел академик В.В. Виноградов [Виноградов 1980:120-146]. Будучи непревзойденным специалистом по художественной литературе, он изучал соотношение языковой личности, художественного образа и образа автора. Ю.Н. Караулов же решил не заикливаться на беллетристике и в своих рассуждениях стал мыслить шире и за основу взял принятое в психологии понятие «личность» и решил рассматривать его как многоплановую дискурсивную единицу, делая акцент на том, какую роль в речепостроении конкретного человека играет взаимоотношение языка и мышления. Языковая личность – это не «частно-аспектный коррелят личности вообще» (как правовая или экономическая личность) [Караулов 2010: 38], а это совокупность личностных характеристик человека и его вербальных особенностей. В языковой личности на первый план выступает глубинное языковое содержание личности, которое является стимулом к ее развитию и которое дает ей новое самосознание и самоотражение, оно насыщает ее поступки новыми смыслами и разумениями, и в итоге порождает деятеля, который через свое вербальное поведение может влиять на других.

Отдавая должное Ю.Н. Караулову в его перспективном начинании и общей идейной основе исследования, видится резонным порекомендовать лингвистам, открывающим для себя книгу «Русский язык и языковая личность», относиться к ней критично и творчески и уточнять ряд моментов¹ с помощью специальной литературы.

Несмотря на дискуссионный характер некоторых своих положений, данная теория дала импульс к выработке целого ряда типологий и

¹ В первую очередь к ним можно отнести такие ключевые понятия для анализа языковой личности, как «личность», «структура личности» и «когнитивный». Книга пережила более семи изданий, но автор ее, по-видимому, не перерабатывал. В результате этого многие положения остались в первоначальном виде, требующим смысловой и терминологической правки. Цели и задачи данной статьи не позволяют сделать большое отступление и углубиться в этот вопрос, но мы надеемся вернуться к его обсуждению в своих дальнейших публикациях.

классификаций, многие из них которых перечислены, например, в работе В.И. Карасика² «Языковой круг: личность, концепты, дискурс».

Из всех существующих подходов к изучению ЯЛ наиболее предпочтительным для нас является анализ заранее определенного типа личности (например, предпринимателя, телеведущего, политика)³. Причем людей с творческим воображением (писателей и поэтов) мы объединяем в отдельную категорию. И, поскольку они требуют особых⁴ методов изучения и способов интерпретации результатов, мы оставляем их за рамками наших исследований.

Именно социально-статусный тип ЯЛ позволяет выбирать комплексную стратегию анализа вербального поведения человека. На наш взгляд, она должна предполагать совокупное рассмотрение четырех параметров⁵: биологического (пола и возраста), психического (эмоционального состояния в момент речи и в предшествующих ему ситуациях), социального (национальности, места рождения, социального статуса, профессии) и индивидуально-лингвистического (вокабуляра, ключевых слов, идеологем, отношения к окружающим по принципу «свой-чужой», набора риторических инструментов, фонологических особенностей). Данный подход предполагает учитывать принцип междисциплинарности при проведении исследования, однако в целом анализ проводится в рамках коммуникативно-дискурсивной парадигмы, находящейся в центре современных лингвистических изысканий.

Изучение социально-статусного типа ЯЛ дает возможность получить ключи к познанию того, как личность творит реальность, а в случае политиков, объяснить или спрогнозировать их поведение.

² В.И. Карасик является ярким представителем волгоградской исследовательской лаборатории по проблемам изучения языковой личности. Среди других выдающихся ученых этой школы можно назвать, например, профессоров Н.Ф. Алефиренко, В.И. Шаховского, Ф.П. Сергеева, Н.А. Красавского и др.

³ Об этом отмечается, например, в диссертационном исследовании Бакумовой Е.В. «Ролевая структура политического дискурса» и в монографии Ивушкиной Т.А. «Язык английской аристократии: социально-исторический аспект».

⁴ В отечественной лингвистике они хорошо разработаны в трудах таких корифеев, как И.В. Арнольд, В.А. Кухаренко, Р.Я. Гальперин, Г.И. Богин, О.С. Ахманова и др.

⁵ Более подробно об этом говорится в диссертации Н.А. Востряковой «Коннотативная семантика и прагматика номинативных единиц русского языка».

В отличие от некоторых исследователей, которым свойственно допускать абстрактность в понимании ЯЛ⁶, мы стремимся к его конкретизации и выработке сложноструктурированных, но валидных методов его анализа.

С нашей точки зрения, ЯЛ – это индивид, который проявляет себя в вербальном поведении, характеризуемом всей совокупностью ситуативно обусловленных лингвистических и экстралингвистических особенностей.

Параллельно с «языковой личностью» в отечественной лингвистике используется понятие «речевой портрет». Его появление связывают с именем выдающегося отечественного ученого М.В. Панова, выдвинувшего в середине 60-х годов XX века идею фонетического портрета [Панов 1990]. В дальнейшем термин получил развитие в трудах таких ученых, как Т.Г. Винокур, Т.И. Ерофеева, Е.А. Земская, М.В. Китайгородская, Л.П. Крысин, Т.М. Николаева, Н.Н. Розанова, К.Ф. Седов и др.

Из известных нам определений «речевого портрета» (РП) хочется выделить два.

По мнению Т.П. Тарасенко, РП – это «совокупность языковых и речевых характеристик коммуникативной личности или определенного социума в отдельно взятый период существования» [Тарасенко 2007: 8]. Автор отмечает, что в РП находят отражение такие аспекты личности, как: 1) возрастные, 2) гендерные, 3) психологические, 4) социальные, 5) этнокультурные, 6) лингвистические.

Г.Г. Матвеева определяет РП как «набор речевых предпочтений говорящего в конкретных обстоятельствах для актуализации определенных намерений и стратегий воздействия на слушающего» [Матвеева 1998: 14]. Одним из свойств речевого портрета она выделяет фиксирование вербального поведения, доведение его до автоматизма в случае повторения

⁶ Так, например, В.И. Карасик рассматривает ЯЛ как «носителя языкового сознания, т.е. как человека, существующего в языковом пространстве – в общении, в стереотипах поведения, зафиксированных в языке» [Карасик 2002: 8]; Л.И. Гришаева утверждает, что ЯЛ – это «теоретически выводимый в опоре на лингвистические процедуры конструктор ... это культурно специфический, когнитивно-дискурсивный инвариант, реализуемый в различных дискурсивных условиях различными вариантами» [Гришаева 2006: 17 – 18].

определенных речевых ситуаций. Также Г.Г. Матвеева говорит о том, что, как и языковая личность, речевой портрет может быть индивидуальным и коллективным.

Таким образом, основным отличием понятия «языковая личность» от понятия «речевой портрет» являются временные рамки анализа функционально-коммуникативных характеристик человека. Речевой портрет можно описывать как статическую величину, которая рассматривается в определенный отрезок времени и которая детерминируется условиями, задающимися особенностями жанра и регистра речи. «Языковой личности» же свойственна динамика в ее развитии. В зависимости от многочисленных и постоянно меняющихся экстралингвистических параметров трансформируется репертуар языковых средств, меняются такие характеристики речи, как общее тематическое содержание, конфигурация межличностных отношений участников коммуникации, отражающаяся на использовании ими в речи «формальной» и «неформальной» лексики, формы речевого общения (устная/письменная, подготовленная/спонтанная речь, монолог/диалог) и т.д. В отличие от «языковой личности» «речевой портрет» предполагает некий срез в развитии коммуникативного потенциала человека, а, с другой стороны, его можно представить как совокупность характеристик, составляющих речевой имидж личности, это то, как традиционно воспринимает и оценивает данного человека общественность, то есть некий стереотипный образ.

Эту мысль подтверждает и О.И. Асташова, которая в своем диссертационном исследовании выдвигает проблему «лингвопортретного варьирования конкретной языковой личности» и стремится к «созданию интерпретационной модели анализа, позволяющей выявить динамику языковой личности политика, адаптирующегося к требованиям меняющегося мира» [Асташова 2013: 3].

С «языковой личностью» и «речевым портретом» также соотносятся понятия «идиостиль» и «идиолект».

М.П. Котюрова определяет идиостиль как «совокупность доминирующих отличительных свойств речи индивида, проявляющихся в употреблении языковых единиц – как в качественном, так и в количественном отношении – в рамках данного функционального стиля, жанра, текстовой категории и т.п.» [Котюрова 2003: 96]. Важно отметить то, что, по мнению исследователя, «идиостиль соотносится не с языковой личностью вообще, а с языковой личностью в определенной социальной роли субъекта в частности» [Там же].

М.П. Котюрова указывает на то, что понятия идиостиля и идиолекта близки, но не тождественны. В отличие от идиостиля, идиолект представляет собой группу «собственно структурно-языковых особенностей (стабильных характеристик), имеющих место в речи отдельного носителя языка» [Котюрова 2003: 95].

Таким образом, по логике М.П. Котюровой, идиолект можно рассматривать как первый уровень изучения языковой личности (в терминах Ю.Н. Караулова, структурно-языковом), а идиостиль – как более сложную категорию, раскрывающую ЯЛ на втором и третьем уровнях (лингво-когнитивном и мотивационном). М.П. Котюрова делает акцент на том, что идиостиль представляет «стиль языковой личности во всем многообразии проявления специфики ее уровней в текстопорождающей деятельности и в структуре, семантике и прагматике текста в рамках того или иного функционального стиля речи» [Котюрова 2003: 97].

В самом начале нашей статьи мы упомянули еще такие смежные с «языковой личностью» понятия, как «речевая личность» и «коммуникативная личность». И хотя мы не ставили своей целью анализировать или сопоставлять их с другими вышеназванными терминологическими единицами, мы считаем, что наш разговор был бы неполным, если бы мы выпустили из внимания давний спор о том, являются ли понятия «языковая личность» (ЯЛ) и «коммуникативная личность» (КЛ) тождественными или различными.

Суть этого спора хорошо представлена в статье О.Л. Арискиной и Е.А. Дрянгиной «Языковая и коммуникативная личность: различные подходы к исследованию» [электронный ресурс]. Авторы приходят к заключению, что это две самостоятельные, хотя и взаимосвязанные «динамические категории, сигнификативный компонент которых до сих пор не определился». По мнению авторов статьи, «понятие «коммуникативная личность» шире понятия «языковая личность», так как «коммуникативная личность» включает в свою структуру еще и невербальные средства, и для ее анализа необходимо непосредственное наблюдение за деятельностью коммуниканта». Рассмотрев подходы к ЯЛ и КЛ Г.И. Богина, Ю.Н. Караулова, Ю.В. Рождественского, Г.Ф. Седова, В.П. Нерознака, В.И. Карасика, О.Б. Сиротининой, В.П. Коневской и И.И. Халеевой, исследовательницы пришли к выводу о том, что «существование большого количества моделей ЯЛ и КЛ и выбор основных из них регулируется практикой». В итоге своих изысканий О.Л. Арискина и Е.А. Дрянгина признают, что лингвистам еще предстоит проделать большую понятийно-терминологическую работу, чтобы прийти к согласию в отношении четких дефиниций обеих единиц.

Учитывая весь объем работы, проделанный авторами цитируемой статьи, остается лишь согласиться с ними и от себя добавить, что данный вопрос относится к разряду споров о терминологической синонимии, и его можно вести до бесконечности. Любой ученый, как правило, считает себя вправе оспаривать то, что предложено его коллегами. Подобные научные дебаты, может быть, иногда и приводят к выработке более точного метаязыка науки, однако в данном случае нам представляется, что новые поколения исследователей были бы только благодарны, если бы теоретики-лингвисты придерживались терминологии, которая употреблялась в бесчисленных работах ученых-гуманитариев, и ограничили бы свой профессиональный жаргон понятием «языковой личности», а весь свой творческий потенциал направили бы на разработку новых классификаций и типологий.

Ведь и без того положение российских исследователей усугубляется тогда, когда им приходится переводить свои труды на английский язык. Многочисленные интернет-источники являются доказательством того, что в качестве переводного эквивалента для «языковой личности» отечественные ученые используют “language personality” или “communication personality”, то есть дают кальку и не задумываются о том, что она не является идиоматическим выражением. Беда современной лингвистики заключается в том, что русские авторы редко читают труды западных коллег (в оригинале), а западные ученые, не зная русского языка, понятия не имеют, о чем пишут исследователи в России.

Мы неспроста заговорили о понятиях «языковая личность», «речевой портрет», «идиостиль», «идиолект». Беглое знакомство с литературой на английском языке⁷ показывает, что для этих «наших» категорий нет однозначного переводного эквивалента, и в профессиональном жаргоне запада используются такие формулировки, как “linguistic style”, “linguistic profile”, “speaking style”, “personality approaches to studying language”, “stylistic behaviour(s)”⁸, “cross-situational consistency of language use”, “research linking word use and personality characteristics”. В этой связи возникает необходимость выработки русско-английского глоссария по обсуждаемой нами проблематике и использования наиболее точных межъязыковых эквивалентов в процессе написания работ на английском языке.

Нашим основным интересом является изучение языковой личности политика. Обзор современной литературы⁹ свидетельствует о том, что интерес российских ученых к этому вопросу усиливается год от года, и хочется надеяться, что наши комментарии и дальнейшие исследования внесут свою скромную лепту в общее дело.

⁷ См., например, Pennebaker, J.W., King, L. A. Linguistic Styles: Language Use as an Individual Difference Journal of Personality and Social Psychology 1999, Vol. 77, No. 6, 1296-1312; Slatcher, R.B., Chung, C.K., Pennebaker, J.W., Stone, L. D. Winning words: Individual differences in linguistic style among U.S. presidential and vice presidential candidates Journal of Research in Personality 41 (2007) p. 63-75.

⁸ Автор термина – разработчик теории черт личности Гордон Оллпорт.

⁹ Ярким примером являются бесчисленные публикации в ежеквартальном научном журнале «Политическая лингвистика» (г. Екатеринбург).

В качестве примера успешного анализа языковой личности политика приведем статью А.М. Нехорошевой¹⁰, в которой рассматриваются особенности вербального поведения Ангелы Меркель.

Следуя классификации Ю.Н. Караулова, автор выделяет в ее структуре вербальную, когнитивную и прагматическую системы и четко следует намеченной стратегии анализа. А.М. Нехорошева указывает на то, что когнитивная система А. Меркель ориентирована на универсальные и групповые ценности. К универсальным ценностям немецкого канцлера относятся духовные ценности (справедливость, дружба), материальные (труд, природные ресурсы, орудия труда) и социальные (семья, общество, нация, государство). Под групповыми ценностями ею понимаются общеевропейские ценности: человек, его индивидуальность и свобода, христианские ценности (толерантность, любовь к ближнему) и национальные ценности (ориентация на порядок, надежность, перфекционизм и др.).

А.М. Нехорошева отмечает, что на передний план когнитивной системы А. Меркель выдвигается ее «коллективная идентичность». Это находит свое отражение в таких оборотах, как “wir Christdemocraten, wir in christlich-liberalen Koalition (als Union und FDP), wir als Bundesregierung, wir in Deutschland, wir in Deutschland und Frankreich, wir in der Europäischen Union (als EU-Mitgliedstaaten, seitens EU-Teilnehmer, als Euroländer, im Euroraum, in der Eurogruppe), wir in Europa (als Europäer, auf europäischer Ebene), wir als E-3, G-6 (G-8), Länder, wir im Gesamtkontext”¹¹. При этом, как отмечает А.М. Нехорошева, «индивидуальная идентичность А. Меркель отступает на задний план или полностью нивелируется».

Рассматривая языковую личность данного политика с точки зрения прагматики, основной задачей канцлера А.М. Нехорошева считает «реализацию власти внутри страны и навязывание своей системы ценностей

¹⁰ Нехорошева А. М. Особенности языковой личности политического лидера Германии Ангелы Меркель // Политическая лингвистика. – 2012. – №. 1.

¹¹ Примеры А.М. Нехорошевой.

за рубежом». Автор статьи делает вывод о том, что указанные цели не совпадают с вышеуказанными христианскими ценностями, которых придерживается возглавляемый канцлером «Христианский Союз».

Проведенное А.М. Нехорошевой подробное исследование языковой личности Ангелы Мергель в очередной раз доказывает, что данные лингвистического анализа могут подтверждать целый ряд рассуждений политологического и психологического плана, и это в свою очередь создает комплексную, многоаспектную картину языковой личности политика. Такой подход многократно увеличивает ценность наблюдений сугубо дескриптивного характера, которыми наполнены некоторые работы современных языковедов, и переводит их в разряд достижений прикладной лингвистики, делая их большим подспорьем в анализе самого широкого спектра проблем «персонологии президентского лидерства» [Стрелец 2014] и геополитики в целом.

Подводя итоги, хочется сказать, что анализ языковой личности до сих пор остается одним из наиболее перспективных исследований в лингвистике, и он требует от ученого знаний в разных областях гуманитарного знания. Доказательством тому, что актуальность вопроса остается на повестке дня, является возникновение целых исследовательских центров по изучению вербального поведения политика (таких, как в г. Екатеринбурге), и это вселяет уверенность в то, что написание подобных статей будет способствовать прояснению некоторых важных задач, стоящих перед современной лингвистикой вообще, и политической лингвистикой в частности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева А.А. Политические портреты В.В. Путина и Д.А. Медведева (на материале современной прессы и ассоциативного эксперимента) // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, №3 (41), 2012. – С. 64-80.

2. Асташова О.И. Речевой портрет политика как динамический феномен. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук, Екатеринбург, 2013.
3. Бакумова Е.В. Ролевая структура политического дискурса: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2002. – 20 с.
4. Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук / Г.И. Богин; Ленинградск. гос. ун-т. – Л., 1984. – 31 с.
5. Виноградов В.В. О художественной прозе (глава «Язык литературно художественного произведения») // Виноградов В. В. Избранные труды. Т. 5. О языке художественной прозы. – М.: Наука, 1980.
6. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки, 2001. – № 1. – С. 64-72.
7. Вострякова Н.А. Коннотативная семантика и прагматика номинативных единиц русского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 1998. – 22 с.
8. Гришаева Л.И. Индивидуальное использование языка // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов, 2006. №1. С. 16 – 22.
9. Дорожкина Т.Н. Речевой имидж политического лидера // Социальные исследования, 1997, № 8. С. 41 – 49.
10. Зильберт Б.А. Языковая личность и «новояз» тоталитаризма // Языковая личность и семантика: Тезисы докладов научной конференции. Волгоград, 28-30 сентября 1994 г., № 5. С. 34 – 42.
11. Ивушкина Т.А. Язык английской аристократии: социально-исторический аспект. – Волгоград: Перемена, 1997. – 157 с.
12. Кадилина О.А. Сильная/слабая языковая личность: коммуникативно-прагматические характеристики (на материале текстов Д. Карнеги): Дисс. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 2011.
13. Карасик В.И. Оценочная мотивировка, статус лица и словарная личность // Филология. Краснодар, 1994. С. 2-7.

14. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
15. Карасик В.И. Языковая личность и категории языка // Языковая личность: проблемы значения и смысла. – Волгоград: Перемена, 1994. – С. 25 – 35.
16. Караулов Ю.Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. М., 1989. – 264 с.
17. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность, издание седьмое, Москва, 2010. – 264 с.
18. Котюрова М.П. Идиостиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 95–99.
19. Кочеткова Т.В. Языковая личность носителя элитарной речевой культуры (социолингвистический аспект) // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты. Волгоград-Саратов, 1998. С. 20 – 28.
20. Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек, сознание, коммуникация). – Изд-во: Диалог-МГУ, 1998. – 352 с.
21. Мадалиева Е.В. Прагматикон языковой личности политика в жанре исповеди // Политическая лингвистика. – 2011. – №. 1.
22. Матвеева Г.Г. Скрытые грамматические значения и идентификация социального лица («портрета») говорящего: Дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 1993. – С. 87.
23. Михайлова М.Д. Политическое лидерство в современной России: сущность, особенности, портреты лидеров. Автореф. дис. ... канд.полит.наук. М., 2001.
24. Нехорошева А. М. Особенности языковой личности политического лидера Германии Ангелы Меркель // Политическая лингвистика. – 2012. – №. 1.

25. Панов М. В. История русского литературного произношения VIII–XIX вв. – М.: Наука, 1990. – 453 с.
26. Прохоров Ю.Е. Коммуникативное пространство речевой личности // Виноградовские чтения: когнитивные и культурологические подходы к языковой семантике. – М.: 1999. – С. 40 – 45.
27. Седов К.Ф. Типы языковой личности по способности к кооперации в речевом поведении // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов, 2000. – С. 3 – 5.
28. Сентенберг И.В. Языковая личность в коммуникативно-деятельностном аспекте // Языковая личность: проблемы значения и смысла. – Волгоград, 1994. – С. 14 – 24.
29. Сиротинина О.Б. Языковая личность и факторы, влияющие на ее становление // Термин и слово. Межвузов. сб., посвящ. 80-летию проф. Б.Н. Головина. – Нижний Новгород, 1997. – С. 7 – 12.
30. Соколовская Т.Б. Языковая личность политического лидера (на материале газет новейшего времени): Дисс. ... канд. филол. наук. – Санкт-Петербург, 2002.
31. Стрелец И.Э. Влияние личностных особенностей политических лидеров на исполнение роли президента России: Дисс. ... канд. полит. наук. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2014. – 202 с.
32. Тарасенко Т. П. Языковая личность старшеклассника в аспекте ее речевых реализаций (на материале данных ассоциативного эксперимента и социолекта школьников Краснодара): Автореф. дис. канд. филол. наук. – Краснодар, 2007. – 26 с.
33. Шапочкин Д.В. Языковая личность в политическом дискурсе // Коммуникационный процесс в вузе. Материалы I международной научно - практической Интернет конференции 21-25 декабря 2004 года, Челябинск. – Челябинск: Изд-во Академии культуры и искусств, 2004. – С. 106 – 109.

34. Шаховский В.И., Желтухина М.Р. Роль комического в дискурсивном портрете политика (разоблачительная функция языка) // Политический дискурс в России-3. Материалы рабочего совещания-семинара. – М., 1999. – С. 104 – 114.
35. Шустрова Е.В. Сфера-источник «ЧЕЛОВЕК» в идиостиле Р. Эллисона. // Политическая лингвистика, 2006.
36. Pennebaker, J.W., King, L. A. Linguistic Styles: Language Use as an Individual Difference. Journal of Personality and Social Psychology 1999, Vol. 77, No. 6, p.1296-1312.
37. Slatcher, R.B., Chung, C.K., Pennebaker, J.W., Stone, L. D. Winning words: Individual differences in linguistic style among U.S. presidential and vice presidential candidates. Journal of Research in Personality 41 (2007) p. 63-75.

ИСТОЧНИКИ

38. Арискина О.Л., Дрянгина Е.А. «Языковая и коммуникативная личность: различные подходы к исследованию» // Электронный ресурс. Режим доступа: http://filfak.mrsu.ru/filolog/pdf_fail/cikl_nauchno_populiarnyh_statei_y_dlia_uchitelia_slovesnosti.pdf, дата обращения: 21.07.2014.